Элизабет Бенавент

Экранизация Netflix

18+

ИДЕАЛЬНАЯ СКАЗКА

Самые уютные романы о любви

Элизабет Бенавент

Идеальная сказка

Серия «Уютные романы о любви (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74694661
Идеальная сказка. Роман: АСТ; Москва; 2026
ISBN 978-5-17-167701-5

Аннотация

Марго – современная принцесса из богатой семьи. У нее есть все: роскошная квартира, высокая должность и безупречный жених. Но за идеальным фасадом скрывается удушающая тревога – Марго чувствует себя самозванкой на своей свадьбе, с которой сбегает.

Давид – полная ее противоположность. Ему 27, он перебивается с одной подработки на другую и ночует на диване у друга. В довершение всего его бросает любимая, назвав бесперспективным и незрелым.

Так, двое людей с разбитым сердцем из разных миров отправятся в отпуск, чтобы заставить бывших ревновать. Приключение оборачивается драмой. Чувства тянут влюбленных в разные стороны и вынуждают их принять судьбоносное решение.

Какой у идеальной сказки будет конец?

Содержание

1	6
2	9
3	21
4	32
5	42
6	49
7	63
8	74
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Элизабет Бенавент
Идеальная сказка
Роман

Elísabet Benavent
Un cuento perfecto

* * *

© 2020, Elísabet Benavent Ferri
© Мусаева О., перевод, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Моему другу Холдену.

За тот разговор на Пласа-дель-Дос-де-Майо.

За то, что напомнил мне, почему я обожаю писать

и в чем смысл всего этого.

За то, что подарил мне самую искреннюю дружбу.

1
Жила-была

Ты рассталась с парнем. Может, и работу свою ненавидишь. Возможно, ты всю жизнь мечтаешь о вещах, которые тебе не по карману. Лишние килограммы после лета прибавились к тем, что остались после Рождества? Не беспокойся. И если все лифчики тебе велики, тоже не беспокойся. И если не помещаешься в стулья на верандах. И если мама никогда не одобряет того, что ты делаешь… и того, что не делаешь, разумеется, тоже. И если ты отдала свое сердце идиоту. И если чувствуешь, что замужем за ипотекой. Если твой начальник – психопат проклятый. Если думаешь, что тебя обманывают, что тебя хотят выгнать, что ты накосячила.

Ничего страшного! Честное слово – ничего страшного. Более того, если ты расстраиваешься, видя по телевизору, в журналах и в соцсетях, как легка и прекрасна чья-то жизнь, скажу тебе по секрету – это не так. На самом деле все куда сложнее. Например, у меня было все идеально, и это все я испортила очень просто – надела кроссовки и убежала… Только на самом деле ничего у меня было не идеально и ничего я не испортила. Послушай меня. Говорю тебе от всего сердца. Это не жизнь тяжелая, не все кончено. Просто… открываются новые возможности.

Рассказать тебе сказку, которая сначала тоже покажется идеальной? Жила-была современная принцесса. Замка у нее не было, и не вздыхала она, опершись на окно смотровой башни, откуда открывался вид на королевство. Не расчесывала длинные-предлинные волосы золотой щеткой, покрытой эмалью. Не ждала, что прекрасный принц спасет ее от злобной ведьмы.

Хотя… не буду отрицать – моя мама сойдет за ведьму.

Я хочу сказать, что сказки о принцессах всё еще живы в каком-то уголке нашего сознания – порой крошечном, а порой и огромном. Уже нет ни принцев на конях, ни птичек, которые помогли бы нам одеться на свидание, где в нас влюбятся и мы наконец будем счастливы (не верится, что нам это внушали), но мы продолжаем верить в сказки. В легенды. Нас убедили, что мы хотим быть принцессами.

Полистай Instagram[1]. У тебя его нет? Заводить его, чтобы проверить мои слова, не стоит, но ты понимаешь, о чем я, – идеальные роскошные жизни. Фотографии, на которых, кажется, можно дотронуться до этого фантастического марева мечты: блеск, глянец, укладка волосок к волоску. Да, в соцсетях зачастую навязывают идеал, заставляющий нас стремиться к тому, чего в реальности нет. Девочки теперь хотят быть новой версией принцессы из сказки – с брендовой сумкой, со стаканчиком кофе, который поди пойми по-

[1] Instagram – продукт компании Meta, деятельность которой запрещена на территории РФ.

чему розового цвета, у бескрайнего бассейна на Таити. Звучит неплохо, кто спорит. Я тоже так хочу… Но суть в том, чтобы понимать: за этим фото стоит не идеальная жизнь, а просто – жизнь.

Я знаю, что говорю. Нет, я не блогер и не модель, но в каком-то смысле я чувствовала, что за мной наблюдают, меня обсуждают и осуждают. Как? Ну, я жила (лучше сказать, томилась в плену) в другой сказке, больше похожей на старую народную, где не все то золото, что блестит. Я родилась в обеспеченной семье, с кучей фамилий и империей отелей впридачу. На моих крестинах присутствовали даже члены королевской семьи. Я с рождения была обречена стать принцессой из сказки, в которую не верю, но никто никогда не спрашивал, во что верит Марго.

Я знаю, что у меня был миллион возможностей, которые недоступны другим, но… позволь рассказать тебе эту сказку на свой лад.

Однажды жила-была девушка, у которой было все, и парень, у которого не было ничего.

Однажды произошла история любви – что-то среднее между успехом и сомнениями.

Однажды случилась идеальная сказка.

И только тебе решать, какой у нее будет конец.

2
Успех. Везучая и невзрачная

– Куда ты собираешься в отпуск?

Это был любимый мамин вопрос. Она задавала его на Рождество, когда мы собирались всей семьей вокруг стола, перегруженного бокалами, приборами и серебряным хламом – настолько же бесполезным, насколько устаревшим, и на Пасху, когда она заставляла нас приходить в гости на традиционные сладкие гренки, которые каждый раз готовил другой повар, потому что она их быстро увольняла.

И на годовщину папиной смерти, когда мы ездили в усадьбу дедушки с бабушкой положить цветы на могилу и послушать мессу, мама задавала тот же вопрос:

– Куда вы собираетесь в отпуск, девочки?

Задавала она его главным образом потому, что была снобкой и закоренелой ханжой, и ее ужасно беспокоило, если высшее общество не видит, как ее дочери катаются на лыжах в Швейцарии, на яхте по Средиземному морю или поджариваются на солнце во Французской Полинезии. Это, а еще быть такой стройной, чтобы бедренные косточки аж проступали через одежду, были ее высшими жизненными устремлениями. Ах да, и еще «хорошо выйти замуж», разумеется. *Успешно* выйти замуж.

Достало, слышать уже не могу.

Когда я в первый раз услышала слово «успех», я была слишком мала, чтобы понять его или сомневаться в свойствах, которые ему приписывались. И так бы и осталось, как слова «летучая мышь», которые я всегда выговаривала как «лечутая мышь», пока однажды не поняла их значение, но с успехом было не так. Успех был для моей семьи ребенком на крестинах, невестой на свадьбе, покойником на похоронах. Единственное стремление, достойное уважения, цель человеческого существования. Заноза в заднице. Ощущение как от издевательств в школе: ты или участник, или жертва. Короче, отсюда и этот пресловутый вопрос:

– Куда ты собираешься в отпуск, Патрисия?

Мы с сестрами переглянулись и сдержанно улыбнулись, уткнувшись в тарелки с вишисуазом-лайт, то есть в грязную воду с луком-пореем, отдававшую лужей. Это было первое, чем поинтересовалась мама с начала ужина. Мы праздновали приезд моей сестры Канделы на мою свадьбу.

Да. Свадьба. Добро пожаловать в мою сказку, которая начинается там, где другие уже жили долго и счастливо.

– Тебя я не спрашиваю, и так понятно, что у тебя будет медовый месяц мечты. – Мама подняла глаза, взяла бокал и улыбнулась мне.

– «Мечты», – пробормотала Кандела, имитируя прокисший аристократический мамин выговор.

– Альберто хочет, чтобы мы первые две недели августа

попутешествовали, но с детьми… – Патрисия, старшая, бросила предупреждающий взгляд на Канделу, не в силах сдержать улыбку.

– Я хотел поехать в Грецию, – объяснил зять, не спуская глаз с моих племянников-бандитов, которые уже поужинали и подозрительно спокойно играли в гостиной, примыкающей к столовой.

– Путешествовать с ними очень утомительно, – настаивала сестра. – Я думаю, снимем дом на Форментере на весь месяц.

– На Форментере? – Мама обеспокоенно посмотрела на Лорда Шампиньона, как мы называли ее второго мужа, а потом на Патрисию и Альберто. – Там не будет полно…

– Людей? – Я постаралась опередить ее, пока она не сказала что-нибудь обидное.

– Ну, людей, да, но… я имела в виду… ну, вы понимаете…

Она вяло пошевелила рукой. С ней так бывало, когда она не могла найти слов, будучи «заторможенной», назовем это так. Мама… ну, она ленивая настолько, насколько может быть человек, никогда не понимавший, что труд облагораживает. Ближе всего она к дамам, которые плыли с Кейт Уинслет на «Титанике», с той лишь разницей, что мама привыкла регулярно ложиться под нож пластического хирурга, благодаря чему добилась величественного натянутого кошачьего лица. Как всегда сразу после «небольшого устранения неисправности», она жила на обезболивающих, которые, ес-

ли принимать их вместе с алкоголем (как она обычно и делала), устраняли и сам смысл человеческого существования.

– А почему не Сен-Тропе? – спросила она, сделав глоток вина.

– Потому что… – Патрисия посмотрела на нас, призывая на помощь. – Сен-Тропе уже demodé[2], нет?

– Да, ты права. – Она проглотила это. – Но Менорка звучит получше, чем Форментера, ты не думаешь, дорогая?

Лорд Шампиньон согласился. У него был дворянский титул, но он и правда напоминал гриб – царственный, да, но совершенно пассивный. Иногда мы сомневались, что у него внутри теплится жизнь, но были люди, которые утверждали, что он в состоянии составлять фразы целиком. Мы подозревали, что он тоже колет себе филлеры в губы, потому что бывали моменты, когда его рот выглядел странновато.

– Кандела, а ты? Куда поедешь в отпуск? Тебе надо искать какие-то теплые края, чтобы компенсировать жизнь в этой Исландии…

– Я живу в Стокгольме, мама, это столица Швеции. И я уже взяла выходные, чтобы побыть здесь. – Она скривилась. – Так что проведу их у тебя в комнате для гостей.

– Весь день работаешь… – презрительно сказала мама. – Люди подумают, что тебе голову негде приклонить.

– Да ладно, если я сделаю пару селфи в комнате, которую ты мне выделила, то легко смогу убедить друзей, что была в

[2] Устаревший, вышедший из моды *(фр.)*.

Версале. Рококо тоже demodé, мам, с конца восемнадцатого века.

Мы с Патрисией старательно вытирали рот салфетками, чтобы скрыть улыбки. Прислуга забрала наши тарелки, и меньше чем через минуту уже появилось второе блюдо. У всех за столом – ароматное филе-миньон… а у меня – блюдо с ботвой.

Я посмотрела на сестер, на зятя, на маму.

– Дорогая! – улыбнулась мне мама. – Это тушеные травы. Очень вкусно! Здоровая пища. Низкокалорийная.

– Но… – начало было Кандела.

– Вот увидишь, платье будет сидеть замечательно.

Я набрала воздуха, натянула улыбку и перебила сестру:

– Спасибо, мама. Канди, не беспокойся.

– У вас такие красивые имена, не понимаю, почему вы настойчиво зовете друг друга этими дурацкими сокращениями. Вот ты. «Марго». Что за Марго, что это за имя? Маргарита. Ана Маргарита Ортега Ортис де Сарате.

Реальность.

Звучит шикарно, да? Как у человека, который потеет духами и какает попкорном. Бабушка-аристократка. Мать с кошачьим лицом. Отчим-шампиньон с дворянским титулом. Ана Маргарита Ортега Ортис де Сарате была в этом случае персонажем, которого видели остальные члены семейной империи и любители светской хроники. Это было просто имя в официальных документах. Для всего остального

мира такого человека не существовало. И слава богу, потому что это отстой.

А я на самом деле была Марго. С милыми сокращениями, когда сестры чего-то хотели, с ласковыми прозвищами от любящего мужчины, с кличками, которыми окрестили меня коллеги в офисе (можно подумать, я о них не знала): маркиза, робот и мое любимое – Мадам Сверхурочные.

И позволь сказать тебе, что Марго не чувствовала никакой симпатии к Маргарите – тому образу, который в каком-то смысле транслировала наружу. То, по чему другие судили обо мне, даже отдаленно не имело отношения ко мне настоящей. Люди обычно составляли картинку, исходя из моего происхождения, но разве это что-то действительно обо мне говорит? Скорее о моем возможном портфеле инвестиций. Но мы, хорошо это или плохо, не наши сбережения.

Я научилась изображать вежливую улыбку и ускользать с вечеринок высшего общества, посещение которых не могла избежать. У Канделы, средней сестры, всегда была аллергия на все, что могло понравиться маме… Патрисия справлялась лучше… может быть, потому, что все ее обожали. Она из тех прелестных красавиц, которым искренне симпатизируешь.

Особого разговора больше не вышло. Мы, находясь рядом с матерью, не находили слов. Было неуютно говорить от имени своих «персонажей», так что мы предпочитали молчать на ужинах и становиться собой подальше от нее. Мы старались как можно быстрее уйти из этого заставленного ценно-

стями дома, где, кажется, даже воздух был облачен в легкий слой бархата.

– Не оставляйте меня тут одну, стервы, – изнывала Кандела, провожая нас к выходу. – Эта сеньора меня пугает.

Я засмеялась:

– Эта сеньора – твоя мама.

– Заберите меня! Я буду спать с кем угодно из твоих детей. Даже если он еще писается по ночам, все равно, – плакалась она Патрисии.

– Вот я и недоумеваю, почему ты захотела остаться здесь вместо того, чтобы поехать ко мне, – сказала я.

– Потому что ты выходишь замуж! – ответила она так, как будто это было очевидно. – Быть третьей лишней я не вынесу.

– Ну поезжай в отель, – предложила Патрисия, роясь в сумке. – У меня нет места.

– Ты живешь в огромном дворце, как это нет места?

– Да брось. Ты жуткая неряха, через два дня дом будет погребен под горой грязного белья. Некрасивого грязного белья.

– Не глупи, – снова предложила я, – пойдем к нам. Филиппо не будет против.

– Кстати, почему он сегодня не пришел?

– У него много работы, которую надо закончить до отпуска.

– Вранье, – заявила Патрисия, указывая на удаляющегося

мужа и вынимая наконец телефон из сумки Céline.

– Пока, Альберто, пока!

– Почему ты так думаешь? – спросила Кандела, махавшая на прощание зятю.

– Он не выносит маму. И я его понимаю.

Мы заговощически улыбнулись друг другу и обнялись.

– Спокойной ночи.

– Закрывайся на задвижку, а то по ночам она превращается в Женщину-кошку, – пошутила Патрисия, указывая наверх.

– Да она бы с удовольствием. Она такая… как если бы проглотила гардероб всего состава мюзикла «Кошки» для тощих.

– До завтра, увидимся.

– Я зайду за тобой на работу, – пригрозила мне сестра.

– Не вздумай. Я хочу, чтобы меня продолжали уважать.

– А я тут при чем?

– Ты одеваешься как Индиана Джонс.

– Индиана Джонс? Да нет, она маскируется под фотографа, который подрабатывает на детских праздниках.

Мы с Патрисией расхохотались, а Кандела показала нам безымянный палец:

– Отвратительные избалованные девчонки.

– Спокойной ночи, Мария Канделария Ортега Ортис де Сарате.

Как бы ни настаивала сестра, в ее машину не помещались

она, зять, трое детей и я. Кроме того, я жила в пятнадцати минутах прогулочным шагом от маминого дома, а ночь в начале июня выдалась теплой и приятной. Улицы Мадрида – города, в котором я выросла, – даже в этот час были полны жизни как никогда. Именно за это я и обожала его, хотя север – родина моих предков – навсегда оставался главной любовью моей жизни.

По пути домой я думала о Канделе. Я спрашивала себя, надеялась ли сестра, что однажды мама прозреет и догадается, что у нее три прекрасные дочери, о которых она думала еще меньше, чем о работе. Уже давным-давно я поняла, что она никогда не обнимет нас, не поинтересуется нашими мечтами и не простит нам того, что мы не оправдали ее ожиданий – не стали и никогда не станем теми, кем она хотела нас видеть. Возможно, Канделу на самом деле это заботило меньше всех: уже много лет она жила в Стокгольме, работала врачом и наслаждалась полноценной жизнью, которой сама распоряжалась. Она никогда не испытывала сомнений, оставляя позади семейную систему ценностей. Она была моей героиней. Мне было жаль Патрисию, но на среднюю сестру я просто молилась.

В моем случае сделать так, чтобы мнение семьи меня не затронуло, было гораздо сложнее: я чувствовала себя обязанной быть частью традиций, компании, светских мероприятий… даже ощущая себя там не в своей тарелке. В мире, где важным кажется только то, что блестит (успех, красота,

деньги), такая девушка, какой бы громкой фамилией она ни обладала, была всего лишь самозванкой.

В высшей степени.

Ни тебе выдающейся красоты, как у Патрисии, ни выдающегося ума, как у Канделы. Я росла, зная, что я невзрачная младшая дочь семьи, которая всегда стремилась к совершенству. Моя мать верит, что успех является частью нашей ДНК. Представь себе ее разочарование, когда она поняла, что ее младшенькая ничем не выделяется. Меня отдали учиться играть на скрипке, но я смогла воспроизводить только мяуканье мартовской кошки. Меня заставили ходить на уроки верховой езды – лошади ненавидели меня и с удовольствием жевали мои волосы и лягались. Мои женские таланты тоже не раскрывались, и как бы ни старались, из меня не вышло ни олимпийской чемпионки по парусному спорту, ни иконы стиля, ни духовной наставницы для селебрити. И заметьте, я говорю о таких с большим уважением и с некоторой завистью, потому что сама продолжала оставаться ужасающей кошмарной посредственностью. Невидимкой.

Как говорит мама обо мне – не высокая и не низкая, не толстая и не слишком тощая, не красавица и не уродина, не умная и не глупая, не технарь и не гуманитарий. Я могла всего по чуть-чуть, но ничего мне не давалось по-настоящему. А Леди Мяу – как называет ее Кандела – думает, что лучше пусть критикуют, чем молчат. Чего я могла добиться, не имея никакого таланта?

Сделай это. Сделай то. В конце концов единственное, в чем я, кажется, выделялась, – это умение не противоречить. Поскольку у меня не было явного призвания, кончилось тем, что я последовала совету и заняла ответственный пост в компании. *Компания.* Империя, которая нуждалась в ком-то, после того как ни Патрисия, ни Кандела не проявили к семейному бизнесу ни малейшего интереса.

Знаю, мама жалела, что не родила вместо меня мальчика. Она всегда говорила нам, что мир бизнеса – это для смелых и очень талантливых мужчин.

Мне понадобилось пять лет, чтобы понять – мое настоящее призвание в том, чтобы возродить бренд и сделать его конкурентоспособным и современным в расцвет цифровой эпохи. Не все могут с детского сада знать свое призвание. С тех пор меня всегда считали «чьей-то дочерью», ведь в нашем кругу у женщин будто нет права голоса без этой приставки или статуса «чья-то жена», но это я уже приняла как само собой разумеющееся. «Смелым и очень талантливым мужчинам» не нравилось, что женщина тридцати двух лет была членом Совета директоров и имела голос при принятии важных решений. Жизненный урок: не прилагай усилий, чтобы бороться с чьими-то предрассудками, потому что, возможно, человек видит то, что он хочет видеть. Потребовалось достаточно времени, чтобы это понять… и кто-то, чтобы показать.

Дома меня встретила полная тишина гигантской квартиры. Огни Мадрида проникли через огромные окна гостиной и осветили меня, пока я шла с туфлями в руках к спальне, где никого не обнаружила.

Удивленная, я достала телефон – пропущенный звонок и сообщение:

«Я пойду чего-нибудь выпить с друзьями».
«Вернусь не поздно».

Я ответила: *«Люблю тебя. Я уже дома»*.

Я разделась. Надела ночную рубашку. Смыла макияж. Намазалась кремом. Села на кровать и посмотрела в окно.

Через два дня свадьба. Я собиралась выйти замуж за идеального мужчину. У меня была огромная квартира в центре Мадрида и гардеробная, полная одежды. У меня было гигантское помолвочное кольцо, и я знала, что завтра на ужине свекры подарят мне изумрудное колье, передавшееся в их семье из поколения в поколение. У меня была работа и личный шофер. У меня были акции. У меня была светская жизнь и бутылка шампанского в холодильнике.

И несмотря на все это… больше всего меня беспокоило ужасное ощущение, что у меня ничего нет.

3
От плохого к худшему

Она говорила, но я ее не слышал. Ну, начистоту сказать, слышать-то я слышал, но был в состоянии выцепить всего пару слов тут и там. То, что она хотела сказать, было понятно с самого начала, так что я, как обычно, не вслушивался в детали, зачарованный чертами ее лица. Черт же раздери все на свете… какая она была красивая. Невероятно красивая. Она обладала особым магнетизмом, ореолом роковой женщины, влекущим к эмоциональному самоубийству. Она обладала всем. Для меня она была самой невероятной девушкой в мире.

Мне всегда нравилась заостренная форма ее губ, потому что в каком-то смысле казалась такой подходящей. Они отражали ее характер, потому что любое слово могло повиснуть на острие этих губ и расколоть спокойствие, приблизив бурю. Она и была бурей. Платиновая блондинка, волосы средней длины с рваными краями, что-то среднее между черно-белыми французскими фильмами в стиле нуар и современностью некоторых музыкальных фестивалей. Взрывная внешность. Я бы солгал, если бы сказал, что первое, что мне бросилось в глаза, были ее глаза или стиль. Обалденные изгибы. В день знакомства я, простите, влюбился в идеаль-

ные соски, проступающие под футболкой.

Она знала, как свести с ума любого. Выбирала неуместную одежду. Она могла нарядиться как на ковровую дорожку, чтобы выпить пива в глухом месте района Лавапьес, а на рабочее совещание надеть вытянутые драные джинсы. И так было во всем. Никто ее не понимал, и боюсь, именно поэтому я влюбился (ну еще тема сосков, что может иметь фрейдовское прочтение и быть свидетельством детской травмы).

Сколько танго было написано о таких женщинах, как она? Сколько таких типов, как я, падали к ее ногам?

– Давид, ты меня слушаешь?

Я прикусил губу и раздраженно кивнул. Гораздо приятнее было предаваться мечтам, чем отвечать.

– Конечно, я тебя слушаю, Идойя, но согласись, сказать мне нечего.

На ее накрашенных алой помадой губах вспыхнула было улыбка… но не из тех, что приносят облегчение, а скорее кусают. Мало что меня бесит так, как снисходительность, а уж эти ее «какой ты еще молоденький, Давид» или «ты поймешь это только со временем» были просто невыносимы. Она была старше на тринадцать месяцев. Считайте меня странным, если хотите, но не столько она пережила, чтобы я доверял этой мудрости, которую она якобы накопила за этот лишний год и месяц.

– Тогда мы договорились, да? – спросила она наконец.

На этой ноте вариантов у меня было мало. Первый – от-

кровенно признаться, что, несмотря на собственную невнимательность, я был не согласен и нет, мы не договорились. Это повлекло бы за собой оспаривание по очереди всех тех аргументов, которые она так холодно выкладывала. Но мы стояли посреди улицы, и мне не улыбалось перетряхивать грязное белье у всех на виду. Не место и не время. Было бы чертовски неловко. Мне никогда не нравилось унижаться, но подозреваю, что я только это и делал с того момента, как мы начали встречаться. Кроме того, после всего, что она мне наговорила, я не собирался ласкать ее слух, утверждая, что это было одностороннее решение, в принятии которого я никоим образом не участвовал.

– Совершенно согласен, – подвел я итог.

Я хотел отступить, чтобы уйти и не дать себе возможности начать умолять. В голове вспыхнула картинка: я увидел себя на коленях, стонущего и целующего ей ноги… От этой картины меня аж передернуло. Гордость у меня, конечно, есть, но я был по уши влюблен в Идойю, что вполне мог докатиться и до такого… Возможно, целование ног на глазах у всей улицы было плодом моего воображения, тяготеющего к драме, но будем откровенны: все (она, я, хозяин кебабной на углу, ее преподавательница йоги) знали, что ради нее я был готов умолять. Я собирался удалиться, собрав в кулак горстку остававшейся после этого разговора гордости, в состоянии даже вообразить себе, как зазвучит классная музыка, прохожие увидят меня словно в замедленной съемке, за

спиной все взорвется с оглушительным грохотом. А я-то и глазом не моргну. Но премьеру этого внутреннего фильма пришлось тут же отменить, потому что Идойя взяла меня за руку и притянула к себе. Она посмотрела на мои губы, а ее грудь, торчащая под черным топом, прижалась к моей. На наносекунду я закрыл глаза: бюстгальтера на ней не было. Да он ей был и не нужен. Эта знаменитая грудь прекрасно держалась без поддержки… об этом как следует позаботился хирург. Матерь-божья-помоги-чтобы-не-встал.

– Что ты делаешь? – осмелился я спросить с улыбкой, но нахмурившись.

– Собираюсь поцеловать тебя на прощание.

Я должен был отказаться, но сказал себе, что, поскольку она это предложила, не мог. Это слишком быстро случилось, чтобы я мог признать правду: ради нее, чтобы удержать ее рядом еще на пять секунд, я бы распластался по земле и стал ковром, по которому она бы ходила. Мы, мужчины, придурки гордые, но в момент истины покорно сдаемся первой злодейке, которая испепелит наше сердце.

И мы поцеловались. Так, как должно целоваться всем на свете. Как при прощании на вокзале. Как в песнях, которые ставят в музыкальном автомате. Как главные герои драмы, получившей кучу премий, которые после премьеры влюбляются и в реальной жизни.

Проклятая Идойя. Девять месяцев отношений, а она ждала именно этого момента, чтобы подарить мне лучший поце-

луй – такой же невероятный и краткий, как и все прекрасные моменты с ней. Возможно, это и держало меня рядом: переменчивость, напряжение, ощущение свободного падения.

Я даже не почувствовал, что она отстранилась, но когда несколько секунд спустя открыл глаза, она уже поправляла помаду с помощью зеркальца, которое, должно быть, вытащила из сумочки.

– Я пойду.

– Прощай, – ответил я каким-то совсем придурочным, едва слышным голосом.

– Я позвоню, чтобы отдать твои вещи.

– Можешь оставить их себе.

Она не ответила.

– Удачи, Идойя, – не отставал я.

– Тебе тоже.

Она улыбнулась. Убрала помаду и зеркальце и, тряхнув волосами, развернулась – ей больше нечего добавить.

– Если что-то понадобится, ты знаешь, где меня найти, – услышал я свой голос, несший чушь просто чтобы увидеть, как она обернется.

«Давай-давай! Обернись. Обернись – и я паду ниц, если ты захочешь. Куплю себе ошейник, и ты будешь меня выгуливать. Обернись, посмотри на меня. Если кто и обернется, так это она, чувак».

Но она этого не сделала.

Ее платиновый блонд постепенно терялся среди толпы

людей, прогуливающихся по улице Орталеса в эту июньскую пятницу. И все же я как истукан стоял еще несколько минут, стараясь различить ее фигуру, в надежде, что она прибежит обратно, бросится на меня, обхватит ногами бедра и снова просунет язык мне в рот. В глупости меня никто не переплюнет. Или в романтичности. Или в похотливости.

В кино парни спасаются от суровой реальности за рюмкой какого-нибудь крепкого напитка, а бармен средних лет с готовностью их выслушивает, держа наготове великие советы.

Однако у меня все было наоборот. Я сам был барменом и клянусь, выслушивать пьяную исповедь какого-нибудь бедолаги мне хотелось меньше всего.

Я вздохнул и посмотрел время на старом разбитом телефоне. Сегодня инвентаризация, и Иван уже должен быть на месте.

– Приятель! – поприветствовал меня Иван из-за стойки, когда я пролез под опущенные ставни бара, где мы работали по выходным. – Ну наконец-то, слава богу!

– Прости за опоздание. Я был с Идойей. Нам надо было поговорить.

– Слава Идойе. Прямо эволюция во плоти: она сделала из обезьяны человека.

При другом раскладе я бы посмеялся в ответ, но в этот раз молча вынул вещи из карманов, положил рядом с кассой и взял тетрадь. Недолгие двадцать минут пока шел до бара, я

прокручивал в голове обрывки разговора, которые мог вытащить из памяти… чертовски сложно, потому что я мысленно отключился после первой лавины ее упреков.

Незрелый. Ветер в голове. Старомодный романтик. Без планов на будущее. Недальновидный. Вечная потребность в самоутверждении. Эмоциональная зависимость. Оправдывать «свободой» свою посредственность. Смирение с тем, что я не добьюсь ничего лучше трех подработок. Мой внешний вид. Жизнь на «съемной квартире» (точнее, оккупация дивана) лучшего друга, его девушки и их семимесячного ребенка. Не иметь ни гроша, чтобы что-то планировать или путешествовать. Отрыжка после первого глотка пива.

Чертова сука подложила мне огромную свинью. От секса не отказывалась и не жаловалась, стерва такая.

Ладно. Я был в ярости. Это какая стадия горя?

Кого я хотел обмануть? Мне было грустно. Чертовски грустно.

– Ты меня слышишь? – спросил Иван.

Я обернулся и тупо уставился на него. Он стоял опершись на стойку, с полотенцем на плече, в любимой клетчатой рубашке. С улыбкой, которая кому-то могла показаться глуповатой, но я-то знал, что она была просто искренней. Он щелкнул пальцами, и я взбесился. Как ребенок, которого отчитывают под унизительные смешки одноклассников.

– Давид, ты витаешь в облаках.

– Нет, Иван, не витаю, – грубо ответил я, отворачиваясь

и притворяясь, что считаю напитки в холодильнике за стойкой.

– Я сто раз уже говорил, чтобы ты ее приводил когда хочешь. Доминик хочет познакомиться с ней… и я тоже. Фото – это хорошо, но… не знаю. Скоро мы поверим, что ты нас скрываешь или стыдишься.

– Не неси чушь.

Это она не хотела с ними знакомиться. Ей не было «особо интересно» тусоваться с моей компанией, по ее словам. Ни с Иваном и Доминик, ни с моими друзьями детства.

– Ты уже рассказывал, какая она элегантная и утонченная, – продолжал он, – и какая у нее суперсовременная работа, но… Мы тут вообще-то, ребята с окраины, тоже люди неплохие.

– Ага. Слушай, я начну со склада?

Иван подошел поближе и, нахмурившись, стал вглядываться в мое лицо.

Он был взлохмачен еще больше, чем обычно. Раньше я любил подкалывать его, сочиняя байки о заядлом серфере, который вырос в Мадриде и ловит волны на кольцевой автостраде. Но сегодня то, что Иван забросил мечту жить у моря, казалось мне куда более грустным.

– Что с тобой? – очень серьезно спросил он.

– Ничего.

– Это из-за ночки, которую нам устроила мелкая? Ты уж прости, чувак. У нее зубки режутся. Знаешь, говорят, что

если бы взрослые терпели такую боль, то сошли бы с ума.

– Нет, не поэтому, Иван. Я живу у вас, и ты ничего с меня не берешь за аренду. Не собираюсь я жаловаться на плач. – Я вцепился в барную стойку и почувствовал, как по позвоночнику пробегает волна раздражения, грусти и бессилия.

– Что тогда?

– Ничего. Ну… – Я вздохнул, мне не хотелось об этом говорить. – Это… эта работа. Не выношу уже этих требующих выпивку вопящих сопляков.

– Ну, да… – Друг пожал плечами. – Что есть, то есть. Другого нет. Мы бармены.

– Бармены, курьеры на подхвате, флористы, выгульщики собак…

– Надо было учиться, как говорит моя мама.

– Можно подумать, это что-нибудь гарантирует, – пробормотал я, направляясь в подсобку.

– Слушай! – прогудел он. – Серьезно, что с тобой? Ты портишь чертов фэншуй своим негативом.

Я фыркнул и прислонился к стене. Иван не успокоится, пока меня не расколет, лучше уж сейчас признаться.

– Она меня бросила.

– Что?

– Идойя меня бросила.

– Но почему?

Я снова взял тетрадь и пошел к подсобке, рассказывая по пути:

– У нее нет на меня времени, потому что она хочет сосредоточиться на работе. Если бы я был более зрелым, более надежным, что-то большее ей мог предложить… она бы еще постаралась. Но раз уж я такой, какой есть, лучше закончить все прямо сейчас, потому что у «нас» нет будущего. Ну, точнее будущего нет у меня. По крайней мере, по ее словам.

– Как это у тебя нет будущего? Это еще почему?

– Не заставляй меня повторять ее аргументы. Не очень-то они укрепляют веру в себя.

– Но… Вот стерва! Да кем она себя возомнила?! О чем она вообще? Она тебя не заслуживает, чувак, не заслуживает! Знаешь, что я тебе скажу? Дело вообще в том, что…

Голос Ивана постепенно затих и полностью исчез, стоило мне погрузиться в хаос склада, где, как всегда, пахло сыростью и затхлостью. Пролитым на пол пивом, перебродившими сладкими ликерами. Грязный темный угол клуба, где молодняк обжимался по выходным.

Думаю, что слова Ивана меня бы ободрили и утешили, остановись я их послушать. Что бы там ни было, он не мог заглушить голос в голове, подтверждавший правоту Идойи. Все так. Кроме кучи неисполненных планов и себя самого, я мало что мог предложить.

Мне двадцать семь лет – и ни гроша в кармане. Пацан, не имевший ни малейшего понятия, что с ним будет через пару лет. Без высшего образования. Без дипломов крутых бизнес-школ. Без связей. Без богатого дядюшки в Америке. Я,

Давид, был живым примером того, к чему не должен стремиться ребенок из бедной семьи: свобода – настоящая свобода – стоит слишком дорого.

Я присел на ящик с кока-колой и запустил руки в волосы. Моя жизнь никуда не годилась. Я завидовал людям, у которых было время зализывать раны. Я завидовал парням в кино, их стакану виски и бармену, совсем не похожему на меня. Я завидовал всем, потому что они не были мной, потому что быть мной – это полный провал. Никогда и ничего не получалось, как я хотел.

Я глубоко вздохнул, посмотрел на потолок и спросил себя, какого черта, несмотря на все, я чувствовал себя таким цельным. И только желание быть любимым лилось через край. Черт возьми, когда-нибудь я в нем захлебнусь.

4
Головокружение и прекрасный принц

Патрисия разгладила мне плиссированную юбку темно-синего платья из тафты от Dior и шепнула мне на ухо, что я великолепно выгляжу, увлекая меня за собой ко входу в отель.

Веранда и сад мадридского отеля Relais & Châteaux Orfila были забиты гостями, одетыми почти от кутюр, блиставшими очень дорогими украшениями и щеголявшими брендовыми сумками. Все они собрались праздновать мое предстоящее бракосочетание. Почти восемьдесят процентов приглашенных были «нужные» для работы люди или родственники. Если говорить о настоящих подругах – тех, что держат тебе волосы, пока тебя тошнит после лишнего кувшина сангрии, – то таких у меня, кроме сестер, не было. Да, конечно, у меня были приятельницы, но у меня никогда не было ощущения, что с ними я Марго. Кого они приглашали на вечеринки и в отпуск на яхте – Марго или Маргариту? И хотя мне до безумия хотелось иметь огромную компанию девчонок, с которыми можно тусоваться, веселиться и делиться секретами… мне никогда не было уютно с теми, с кем я обычно гуляла, – отголосок еще университетских знакомств.

Когда я вошла, меня встретили довольно жидкие аплодисменты и сотни глаз просканировали меня с головы до пят. Я готовилась к этому, но после того вечера у мамы это стало последней каплей, чтобы я с головой провалилась в паническую атаку. Я улыбнулась, пытаясь справиться со знакомым чувством удушья, ощущение – что легкие получали только половину кислорода. То же самое я чувствовала каждый раз, когда должна была участвовать в заседании совета директоров или выдерживать эти светские рауты.

Я совершенно не оправилась от того, что устроила мама, а уже надо было готовиться к коктейльной вечеринке и изображать, что я счастлива поболтать со всеми этими почти незнакомыми людьми.

Я потянула Канделу за руку и незаметно наклонилась к ней:

– Найди Филиппо, пожалуйста. И ты знаешь Соню?

– Знаю. Хрупкая, волосы средней длины, большие глаза как у брошенной собачки.

– Точно. Если увидишь ее, скажи.

– Ты пригласила секретаршу? – спросила мама.

– Она мой личный ассистент, и да, я ее пригласила.

– Во имя всего святого, зачем?

Я закатила глаза и предложила маме отправиться за следующим бокалом. Она обернулась, чтобы испепелить меня взглядом, будто пыталась силой мысли передать угрозу о том, как лихо я себе разрушу жизнь, если не перестану быть

такой упрямой и не начну вести себя как нормальные люди.

Я сделала вид, что не заметила этого взгляда. Патрисия достала из сумочки телефон и принялась что-то печатать, пока Леди Мяу удалялась, держа под руку своего новоиспеченного второго мужа из царства грибов.

– Ты вообще не отключаешься. Как твои продажи? И блог? – спросила я.

– Сайт, – поправила Патрисия. – «Блог» звучит как две тысячи восьмой.

– Ну прости уж.

Сестра создавала ювелирные украшения. Понятно было, что она не могла заниматься чем-то менее гламурным. Ладно, это я говорю из зависти. У нее правда был огромный талант, и я очень рада, что к ней пришел успех – это-то после того, как мама заставила ее закончить юридический.

– Сайт хорошо продвигается, – пояснила она. – Ты обязательно зайди. Посмотри новую коллекцию, и я пришлю курьера с тем, что тебе понравится. Сможешь взять с собой в медовый месяц.

Она подняла глаза от телефона, подмигнула мне и мечтательно вздохнула.

– Пойду поищу Альберто и детей. Наслаждайся, вечер твой.

– Не оставляй меня одну! – взмолилась я сквозь зубы.

– Ты и не одна. Вон твой принц.

Патрисия очертила рукой изящную дугу в воздухе, эле-

гантно указывая на него – он как раз подходил ко мне. *Он.* Кандела подмигнула и показала большой палец, и я ответила тем же. Как только мои глаза встретились с глазами Филиппо, желудок сжался до размеров кулака, а потом я расслабилась и успокоилась. Он. Мой принц. Я до сих пор не могла поверить, что вот-вот выйду за него замуж.

Филиппо был высоким – просто высоченным – и с такими шикарными густыми светлыми волосами, что затмевал солнце. Он был красивым. Хотя нет, не просто красивым, а *очень* красивым. Все в нем было прекрасно, если быть краткой. Высокий рост, идеальная осанка и умение держаться, изысканность, с которой он носил одежду с иголочки. У него были широкие атлетичные плечи, потрясающая улыбка, обнажавшая идеальные зубы и глубочайшие синие глаза. Внешне он был само совершенство, мужчина мечты всех женщин, которые хоть раз в жизни мечтали о кавалере, и не только из-за его невероятной внешности. Прозвучит банально, но я влюбилась в его улыбку. Ну и конечно, еще в его чувствительность, внимательность и за то, что всегда, с самого знакомства, он обращался со мной как с единственной женщиной на земле. Не как с обычной или заурядной. С ним я чувствовала себя особенной.

Вот так… Когда мы столкнулись на усыпляюще скучной вечеринке в посольстве Испании в Риме (куда я приехала по работе – в итальянской столице строился один из наших

бутик-отелей), я подумала, что он норвежец. Или исландец. Может, швед. Я даже представить не могла, что он родился здесь, в этом городе, и в детстве проводил лето бегая и загорая в саду своих родителей в Тоскане.

Он заговорил со мной по-английски. Заметив его жуткий акцент, я ответила на итальянском (на котором не говорю, но что-то пролепетать могу), и он выдал мне огромный монолог с такой скоростью, что я не поняла ни слова. Потом он улыбнулся. Я тоже.

– Позволь мне угостить тебя чем-нибудь выпить, – сказал он уже по-испански.

Я тогда не состояла в отношениях по-настоящему, так, немного встречалась с парнем, с которым познакомилась еще в магистратуре. Я на самом деле была не уверена, что он мне нравится, но люди иногда делают такие странные вещи – убеждают себя, что то, что они чувствуют, якобы «химия», а на самом деле это страх остаться в одиночестве. Ровно перед тем летом мама подчеркнула в «сердечном» разговоре, что мне не стоит быть излишне избирательной, а то я рискую остаться старой девой.

Но с Филиппо было не так. Он привлекал меня не из жажды чего угодно и не из страха (иметь маму-идиотку). Для меня это была любовь с первого взгляда, как нам и рассказывают в сказках. Это было невероятно, наивно, волшебно и немножко сумасбродно. Признаюсь, что вначале я просто не могла поверить, что он за мной ухаживает, для меня это бы-

ло слишком удивительно. Я думала, что такой красивый парень просто ищет, с кем поболтать на скучном мероприятии. Когда стало более чем очевидно, что у него другие намерения, я заподозрила хитросплетенный мудреный заговор, который явно затеяли другие члены совета: должно быть, ему заплатили, чтобы он со мной пококетничал, и каким-то образом, который я не могла вообразить (видимо, похитить конфиденциальную информацию из моего ноутбука с помощью технологий, известных только МИ–6), сделать достоянием гласности, что я не готова к той роли, которую заняла в «Ортега Групп».

После того, как он по-рыцарски проводил меня в отель и попросил мой номер телефона, я послала Канделе сообщение и рассказала о своих подозрениях. Ответ, состоящий целиком из оскорблений, меня подбодрил. Главное было не строить иллюзий и надеяться, что красавец не причинит мне боли. В конце концов, я не агент 007, а всего лишь идиотка, носящая громкую фамилию.

На следующий день после рабочего совещания он повез меня во Флоренцию обедать. Он предупредил, что заберет меня на машине у отеля в одиннадцать. Тут я скривилась: мне показалось, он пытается впечатлить меня демонстрацией роскоши. У меня уже был такой опыт с парой богатых сынков типа «Борхамари и Почоло»[3], подосланных Ле-

[3] Испанский сленг (как у нас «золотая молодежь» или «мажоры»), которыми называют капризных, стереотипных парней из богатых семей.

ди Мяу. Но нет. Он появился на самом что ни на есть прозаичном такси, пропахшем арахисом, которое отвезло нас на вокзал, откуда мы на поезде поехали во Флоренцию. Там мы обедали в крошечном заведении, в котором помещались всего четыре столика и импровизированная барная стойка сантиметров двадцать в ширину у стены. Я попросила его посоветовать что-нибудь местное, и он разошелся – заставил меня попробовать буквально все: вино, сыры, ветчину, бутерброд с мортаделлой с трюфелем, невероятный суп и кростини. Потом мы купили мороженое, хотя был февраль и стоял жуткий холод, и гуляли до Дуомо. Он завоевал меня через желудок. Меня – женщину, привыкшую голодать. Думаю, я перестала изводить себя странными диетами с тех пор, как познакомилась с ним. Ему нравилось видеть, как я наслаждаюсь.

Вечер застал нас на Понте-Веккьо целующимися.

Я была так уверена, что это всего лишь интрижка – романтичная, но мимолетная, – что не размышляла ни о стратегиях, ни о том, правильно ли в первую же ночь оказаться с ним в постели. Я, которая все обдумывала дни напролет, составляла списки «за» и «против» и иногда месяцами собирала информацию, спросила его, хочет ли он подняться со мной в номер. И он сказал «да».

Расставание было невероятным. Нам принесли завтрак в номер, мы повторили – более ритмично и слаженно – то, что делали предыдущей ночью, и вместе приняли душ, прижав-

шись друг к другу и целуясь так, как целуются только незнакомцы, которые больше никогда не увидятся. Мне даже почти не жаль было уезжать – я думала, что оставлю эту историю в момент на самом пике и ничто не испортит моих воспоминаний. А десятилетия спустя я буду рассказывать об этом племяннице, расчувствовавшись от рюмочки анисового ликера.

Но, к моему удивлению, Филиппо позвонил в понедельник:

– Dolcezza… Что ты делаешь сегодня вечером?

Никогда, никогда в жизни не смейте недооценивать итальянцев. У них всегда припрятан туз в рукаве – например, окажется, что он живет в твоем городе.

Он работал в итальянском посольстве в Испании. Ему было тридцать три, за спиной четыре более-менее серьезных романа, среди которых особо важна была последняя бывшая, с которой он заговаривал о свадьбе. Но они так и не назначили дату. Сейчас она была замужем за летчиком, его другом детства, и у них родилась дочка… крестным которой стал Филиппо. Даже в этом он был безупречен: поддерживал милую дружбу со всеми женщинами, которые были частью его жизни. Ему нравилась хорошая музыка, он великолепно танцевал, его смех был звучным, тяжелым и сексуальным, в отпуске он сильно загорал, обожал выпить бокал красного вина перед едой, у него были самые нежные ласковые руки из всех, что прикасались ко мне, и – он влюбился в меня. На-

ряду с его гордостью я стала его самой большой слабостью.

Я не знаю, как это случилось, но случилось. Он встал передо мной на колено в Наре, в Японии. Это случилось осенью, и к тому времени мы встречались уже больше двух лет. И наконец, мы должны были вот-вот пожениться.

– *Dolcezza.* – Филиппо наклонился, чтобы поцеловать меня в губы, и толпа гостей засвистела и зааплодировала, но мы оба их проигнорировали. – Ты великолепна.

– Я? Ты смотрелся в зеркало?

– Это все костюм, – блеснула его улыбка.

– Это все мое? – Я бросила на него плотоядный, но незаметный взгляд, поглаживая его грудь.

– Завтра я тебе это докажу.

– Завтра?

– Твоя мама сказала, – как мне нравился этот акцент, который не исчез окончательно за годы, проведенные в Испании, – что сегодня ты ночуешь не дома.

Я подняла бровь.

– Мне не нравится такой план.

– Твои сестры все проконтролировали. Все будет хорошо. Кроме того, я уверен, что, когда ты станешь замужней женщиной, мама перестанет руководить тобой и совать нос не в свое дело.

– Патрисия уже семь лет замужем, а она до сих пор ее критикует, говорит, что пришлет свою служанку отглажи-

вать школьную форму детей, потому что дочь не может нанять нормальную помощницу.

– Ну, наши дети не будут носить форму, – нахально улыбнулся он. – У нас будут нормальные дети, будут бегать почти всегда чумазые и ненавидеть свою бабушку.

– Прямо как я. – Мы оба улыбнулись. – Но давай забудем о маме, бар свободен, и она будет какое-то время занята. Пойдем. Я хочу обнять твою семью и начать уже здороваться с гостями. Надо выполнять протокол.

Он поцеловал мою руку, на которой красовалось помолвочное кольцо с огромным камнем, и, переплетя пальцы, мы пошли к гостям. Я немного сжала его ладонь, когда поняла, что из всех многочисленных вечеринок, на которых мне приходилось притворяться, эта стала первой, где мне по-настоящему нравилось.

5
Краткое введение в паранойю

Мама разбудила меня на рассвете. Скупой свет едва занимавшегося утра брезжил через большие окна первого этажа, где находилась моя комната. Маму не беспокоило, что мы довольно поздно закончили предсвадебный ужин и еще час добирались до дома. Спать накануне свадьбы рядом с будущим мужем казалось ей очень плохой идеей. Гораздо лучше провести ночь в одной из комнат парадора[4], где будет проходить празднование, – в восьмидесяти километрах от Мадрида. Парадор с прекрасным садом и великолепным видом на закат, знаменитый своим кейтерингом… но, конечно, с неудобными кроватями. Так что мало того, что я спала мало и плохо, у меня еще задеревенела спина, и было чувство, что я двигаюсь с изяществом жареной курицы, которая без головы скачет на вертеле.

Леди Мяу принесла мне завтрак в постель. Она появилась сияющая, с волосами, убранными под тюрбан, в шелковом халате в тон и тапочками, подбитыми таким же материалом, и прошелестела с улыбкой: «Добро пожаловать в самый счастливый день твоей жизни». Должно быть, она была

[4] Тип высококлассных отелей в Испании, часто расположенных в исторических зданиях (замках, монастырях).

безумно счастлива сбросить с плеч груз моего незамужнего статуса, но, кажется, она не подумала о последствиях: я не умерла от испуга только потому, что космос этого не пожелал Во-первых, каково это – проснуться и увидеть рядом на постели шепчущую даму в таком прикиде; во-вторых, осознать, что родившая тебя женщина, которая для тебя почти незнакомка, впервые в жизни приносит тебе завтрак в постель; и в-третьих, понять, что весь этот завтрак состоит из одного лишь убогого зеленого чая. Тем не менее, несмотря на скудность, завтрак остался стоять невыпитым на ночном столике. Я попробовала глоток, но ничего не лезло. С прошлого вечера во мне воцарился страх. Слишком много потрясений для человека, который только что открыл глаза и явно страдает от скрытого невроза.

Кандела появилась в комнате, и я с облегчением подумала, что спасена. Она точно могла решить все проблемы, она всегда меня успокаивала. Например, как вчера, когда мама заявила визажисту, что тени, которыми меня красят, выглядят по-проститутски, а сестра просто выставила ее из комнаты, пригрозив сбрить ей бровь. Кандела была супергероиней Marvel, замаскированной под женщину без чувства вкуса. Сейчас она беззаботно и непринужденно блистала небрежно собранным пучком, открывавшим выбритый затылок, и несла булочку, которую стащила из еще не открывшегося шведского стола.

– Я не буду, – покачала я головой.

– Да ты что? Она на сливочном масле, избалованная девчонка! – ответила она обиженно.

– Я как раз собиралась тебя звать. Мне нехорошо.

Она с силой толкнула меня на кровать и задрала мне майку так, что закрыла лицо.

– Обязательно быть такой грубой? Там у меня ничего не болит!

Она даже не потрудилась ответить. Лишь сделала лицо человека, который знает, что делает, и начала ощупывать мой живот.

– Я тебе говорю, что с животом ничего нет.

– У тебя случайно не диарея из-за нервов?

– Ненавижу это слово, – процедила я сквозь зубы.

– Какое слово? «Диарея»? Ну да. Звучное. Сама подумай, в нём прямо слышится какой-то взрыв жидких какашек.

Я постаралась освободиться, легонько отпихивая сестру.

– Опиши, что тебя беспокоит, – потребовала она.

– Ну, не знаю. Давит между началом желудка и грудью.

– Грудью? Болит или давит?

– Ну не знаю. Давит, наверное. Как думаешь, что это может быть?

– Это может быть астма, приступ паники, ломота или инфаркт.

Патрисия вошла в комнату, когда слово «инфаркт» повисло в воздухе, и с удивлением посмотрела на нас.

– Что тут происходит? – Она наклонилась к кровати, буд-

то я лежала при смерти и ей нужно было со мной попрощаться. На ней было что-то вроде лосин для йоги и худи от Balenciaga, в которой поместилось бы четверо таких же девушек. – Сегодня свадьба, ты не можешь заболеть.

– Твое худи сколько стоит? – спросила я, нахмурившись.

– Девятьсот евро.

– Ты сошла с ума! – воскликнула я.

– Но оно так меня молодит.

– Глупит оно тебя. У меня такое же от H&M, – отрезала Кандела. – Вы дадите мне работать?

– Ничего с ней страшного. Это просто нервы, что бы у нее ни болело. – Патрисия запрыгнула ко мне на кровать и потрясла за плечи. – Сегодня твой день! Расслабься и развлекайся. Если все будет хорошо – а кажется, все будет хорошо, – такое бывает раз в жизни. Филиппо с ума по тебе сходит, ваш свадебный администратор проследит, чтобы все прошло без сучка, без задоринки. Ожидается идеальная погода и ни единого облачка, а если что-то случится… Например, Лорд Шампиньон напьется раньше времени… не беспокойся. Мне всегда хотелось дать ему пощечину.

Это вызвало меня улыбку и заставило почувствовать себя немного лучше, но кажется, на сестру не произвело такого же действия.

– Я схожу за фонендоскопом, – сказала она.

– Ты привезла его в чемодане?

– Я никогда не вынимаю его из рюкзака. – Она пожала

плечами. – Медицина у меня в крови.

Десять минут спустя я сидела на диване, а Кандела меня прослушивала.

– Можно побыстрее? – спросила я. – Мне столько всего надо сделать.

– Да не так уж много… Ты же заплатила даже за то, чтобы твое королевское высочество обслуживали по полной программе. – Патрисия закатила глаза.

– Замолчите уже, сороки. Еще раз глубокий вдох.

Мы с сестрой посмотрели друг на друга, как ягнята, ведомые на заклание, мысленно сообщая друг другу, какой же Кандела бывает занудой.

– Все? – спросила я, когда она убрала фонендоскоп.

– Нет. Я измерю давление.

– Ради бога…

– Это ты себя плохо чувствуешь, а не я.

– Да не я чувствую себя плохо! У меня… не знаю… страх какой-то. Можешь дать мне какую-нибудь таблетку, и все?

– А я не должна знать, для чего ее давать? Ты что думаешь, у врачей с собой в аптечке волшебные таблеточки, выкаканые единорогами в волшебной стране с молочными реками и кисельными берегами для таких случаев?

– Ну и характер, – испугалась я.

Она надела мне манжету для измерения давления и пригрозила, чтоб я сидела спокойно. Несколько минут прошли в молчании. Кандела опустила фонендоскоп и сурово посмот-

рела на меня:

– У тебя очень высокое давление.

– Что значит «очень высокое»?

– Очень высокое для абсолютно здоровой девушки твоего возраста, которую не преследует лев. И я хочу тебе сказать вот что, Марги, – и голос ее немного дрогнул, когда она произносила мое имя. – Тебе совершенно не обязательно делать то, чего ты не хочешь.

– Что ты говоришь, ты с ума сошла? – Я схватилась за грудь. – Я с вами сердечный приступ получу, черт возьми.

– Этой малышке нехорошо. – Кандела покачала головой. – Я бы сказала, она уже труп. Она не хочет замуж.

Сестра вдруг показалась мне очень древней старухой.

Патрисия отодвинула ее и улыбнулась, как позирующая для СМИ актриса.

– Марго, это нервы. Ты всегда была такой перфекционисткой. – Она погладила меня по спине рукой, в которой держала айфон. Выглядело как будто она меня сканирует.

– А если это инфаркт? Это может быть инфаркт, а вы тут устраиваете мне групповую терапию, чтобы я поверила, что не хочу замуж.

– Это она так говорит, – Патрисия с презрением показала на среднюю сестру. – Она сеет хаос. Как Джокер.

– Марго. – Кандела заставила меня поднять глаза и послала мне самый пронизывающий взгляд, какой я когда-либо видела в жизни. Словами не передать ужас, который я испы-

тала. Это как если бы я лично увидела тропическую болезнь, которую кто-то в офисе привез как сувенир из отпуска. – Если ты любишь Филиппо, если уверена в том, что делаешь, то я прошу тебя – нет, умоляю как сестра, – прекрати уже. Хватит! Уже все хорошо. Перестань искать проблемы там, где их нет. Хватит думать, что должно произойти что-то плохое. Это твоя волшебная сказка, и независимо от того, что внушила тебе мама, ты этого заслуживаешь.

Казалось, она отвесила мне пощечину. Иногда семья должна так поступать. Нет, я, конечно, не о насилии. Я говорю о том, что надо ставить точки над «и», быть откровенными, называть вещи своими именами, без жеманности и попыток намотать вокруг правды слои сладкой ваты, чтобы сделать ее более удобоваримой.

Это было как пощечина, но только потому, что слова сестры оказались чистой правдой и одновременно тем, что и так было для всех очевидно: с помолвки я ждала, что случится что-то плохое. Просто не могло быть все так хорошо. Не у меня. С заурядными людьми происходят заурядные вещи, верно? Ну, например, любовь, которая прокрадывается на цыпочках, а вовсе не такой ураган, как Филиппо.

И да, я знаю – то, что случилось, было более чем предсказуемо. Но если я вам об этом не расскажу, вы не поймете все, что случилось за следующий месяц.

6
Паранойя

Платье мне жутко жало, но не потому, что было плохо подогнано или я набрала вес. Просто оно было так задумано. Если бы оно не сидело миллиметр в миллиметр, полностью облегая фигуру, то шло бы складками на изгибе спины и к тому же сползало с плеч.

Я ужасно долго его выбирала. Поначалу все, включая свадебного организатора и персонального стилиста, твердили, что мне нужно выбрать кутюрный наряд от какого-нибудь именитого дизайнера. Я перемерила… даже не знаю сколько. Valentino. Chanel. И даже несколько вечерних вариантов от Saint Laurent, которые можно было бы перешить и превратить в свадебные. Но всё мимо. Мне ничего не нравилось: я чувствовала себя как в карнавальном костюме.

Так что не было другого выхода, кроме как надеяться, что кто-то превратит мое представление об идеальном платье в реальность. И вот она, материализовавшаяся мысль. Платье, которое From Lista With Love сшило по моим желаниям, моим мечтам, моей личности… причем настоящей, а не Аны Маргариты Ортега Ортис де Сарате. Вырез лодочкой, рукав три четверти, полностью открытая спина, маленький пояс на двух обтянутых пуговках и ниспадающая юбка – простая, без

вычурностей и ультрасовременных выкрутасов, к которым стремятся некоторые невесты, чтобы засветиться в журналах. Тюлевый бант вокруг низкого пучка того же белого цвета, что и платье, и туфли цвета пыльной розы, которые почти не виднелись из-под платья. Бабушкины серьги. Помолвочное кольцо. Все на своем месте. Все так, как было запланировано.

Я посмотрела на себя в зеркало, глубоко вздохнула и почувствовала, как швы намертво впились в кожу.

– Тебе не нравится? – спросила парикмахер, вытаскивая несколько коротких прядей из пучка, чтобы прическа выглядела естественнее.

– Что? А, да-да. Мне очень нравится.

Платье было великолепным. Невероятным. Самым красивым, что я видела в жизни. Удобная, элегантная и естественная прическа, неперегруженный макияж. Все, вплоть до маникюра, было идеальным, но единственным, что я могла видеть в зеркале, это бешено пульсировавшую венку на шее.

– Было бы элегантнее, если бы у тебя выступали тазовые косточки, но теперь уже ничего не сделаешь, – посетовала мама.

– Ты выглядишь потрясающе. – Патрисия задержала дыхание, и я знала, что она старается не заплакать. – Дети, скажите тете, как великолепно она выглядит!

Мои племянники – мальчики, наряженные в короткие штанишки, рубашку, подтяжки и бабочку, а девочка – в пла-

тье в тон с ними – хором прокричали, что я прекрасно выгляжу (не потому, что они так думали, а чтобы отвязаться от матери). И тут же бросились бегать вокруг меня и в конце концов, как мы и боялись, сцепились в драке, кусая друг друга. Все это за секунды, которые мне показались минутами.

Долгими. Вечными. Гнетущими. Перенасыщенными.

Все вращалось вокруг меня и пестрило красками. Дети, комната, мое платье, зеркало, все остальные – как если бы я видела все через калейдоскоп. Из звуков – только мое тяжелое дыхание.

В комнате было душно. Мне было жарко. Но руки оставали холодными.

– Уф-ф, – смогла выговорить я.

– Возьми, выпей это, – Кандела подошла со стаканом воды и половинкой таблетки, которую я не стала пить чуть раньше, после того, как смогла проглотить две ложки гаспачо во время обеда. Это был легкий транквилизатор. – Похоже, тебе все-таки нужна была целая.

– Я в порядке, – соврала я.

– Не вздумай пить алкоголь, – прошептала Кандела. – А то будешь похожей на маму.

Хотя на секунду мне показалось, что мы с ней одни, стоило мне повернуться спиной к зеркалу, как я обнаружила, что комната до отказа забита женщинами. Все они разглядывали меня – каждая со своим выражением. Какого черта все эти люди были здесь? Люди, которые прямо-таки фонтанирова-

ли мотивами и эмоциями, как чихающий человек слюной. Зависть, издевка, восхищение, нежность, счастье, недоверчивость – в их взглядах было всего понемногу.

Я вцепилась в руку Канделы: я хотела, чтобы меня оставили наедине с сестрами, но слова не шли с языка.

– Детка! – подбежала одна из маминых подруг. – Тебя тошнит?

Я покачала головой. Другая пододвинула мне стул. Свекровь без передышки ощупывала мне лоб – нет ли у меня температуры. А я даже не видела, как она вошла. Шушуканье. Слово «беременна» повисло в воздухе, но не знаю, кто его произнес. Комки в горле, грудь и желудок сжимались. Я не знала, собираюсь ли я кричать, падать ли в обморок или икнуть. Может быть, пукнуть. Голоса вращались вокруг, как клубы дыма, ослепляя меня, оглушая, иссушая горло. Может, я умирала? Сердце болезненно колотилось о ребра.

Знакомый голос чрезвычайно вежливо попросил всех, кроме Канделы и Патрисии, выйти.

– Это полные личных эмоций минуты. Давайте оставим невесту, чтобы она пережила их в кругу близких.

Соня. Благослови ее Бог. Мой ангел без крыльев.

Патрисия помогала мне дышать, обмахивая веером, пока закрывалась дверь и мама приглашала всех пройти в часовню и занять свои места.

– Все места распределены, дорогие мои. Вы найдете там карточки со своими именами.

Я надеялась, что она тоже удалится вместе с остальными, но она вернулась. Я почувствовала ее присутствие даже с закрытыми глазами и через звук веера. Мне показалось, что ее присутствие еще больше сгустило воздух.

До церемонии оставалось двадцать минут.

– Можно узнать, что с тобой происходит?! – начала она выговаривать. – Это что такое? Маленький аттракцион для привлечения внимания?? Ради бога! Ты же невеста! Тебе недостаточно внимания и надо выставить меня в ужасном свете перед всеми подругами?

Никто не ответил. Я сделала жест, прося ее уйти, но она не обратила внимания.

– Так чего ты хочешь?

– Воздуха, – выдавила я.

Патрисия побежала открывать окна. Запах свежескошенной травы медленно вплыл в комнату. Буквально в двух метрах от усадьбы начинался сад.

– Марго, у тебя настоящая паническая атака, – прошептала Кандела.

– Нет-нет, не может быть, о чем ты, – простонала я.

Я сглотнула. У меня было ощущение, что платье сдавливает грудь, мешает дышать. Я чувствовала давление даже в горле.

– Можете расстегнуть мне платье?

– До церемонии осталось меньше получаса, – объявила мама.

– Платье. Пожалуйста.

– Надо было слушать меня и как следует соблюдать диету. Минуту на языке – всю жизнь на боках!

– Мама, замолчи, пожалуйста! – прорычала Кандела. – Ты не видишь, что она бледная и не может дышать?

– Ну так сделай что-нибудь. На что-то должно пригодиться твое медицинское образование.

– Еще не хватало.

– Мне уже сказать ничего нельзя? – возмутилась мама.

– Патри… – Я потянула сестру за руку. – Позови Филиппо, пожалуйста.

– Ай, Марго… это же к несчастью.

– Пожалуйста. Попроси его прийти.

Патрисия с сомнением посмотрела на меня, потом поднялась и направилась к двери. Кандела с мамой сцепились вовсю и тихо, но решительно развернули пассивно-агрессивную дискуссию. Их голоса свистели вокруг меня, как отравленные стрелы, обвинения летели в обе стороны, все более замысловатые, но тщательно замаскированные.

– Остановитесь. Пожалуйста! – взмолилась я.

Кандела замолчала и начала расстегивать мне платье.

– Ничего страшного, если и задержимся немного. – На лице матери, припухшем от регулярных уколов гиалуроновой кислоты, появилась гиенья ухмылка. – Элегантные невесты всегда заставляют себя ждать. Пусть никто не думает, что ты спешишь или в отчаянии бежишь замуж.

Затем она нежно погладила меня по спине, и ее улыбка наполнилась той теплотой, с какой матери обнимают своих детей.

– Тебе лучше?

– Будет лучше, когда я увижу Филиппо.

– Хоть и приносит несчастье видеть жениха перед свадьбой.

– Несчастий и злой судьбы не существует, мама, – напряженно ответила Кандела. – Жизнь просто идет своим чередом: иногда к лучшему, иногда к худшему.

Открылась дверь и Патрисия с улыбкой появилась на пороге.

– Закрой глаза. Он слишком хорошо выглядит, а это может испортить сюрприз.

– Он всегда прекрасно выглядит, – ответила я.

Филиппо наполнил эту минуту особым светом. Все мы, даже мама, улыбнулись. Он всегда дарил нам облегчение.

– *Dolcezza,* – улыбнулся он, садясь рядом со мной. – Что такое?

– Не знаю. – Мой голос дрогнул.

– Можете оставить нас одних? – попросил он сестер и маму.

– Нет необходимости, – ответила я.

– Ты хочешь что-то мне сказать?

– Нет-нет. Я просто хотела тебя увидеть. Я… мне не хватает воздуха.

– Amore, – прошептал он мне в шею. – Не нервничай. Мы живем вместе уже год, и все чудесно. Это всего лишь формальность. Много зрителей, но всего лишь формальность.

Я услышала, как говорю:

– Я не могу.

– Не можешь что?

– Слишком много людей.

– И что? – улыбнулся он. – Давай, Марго. Ты выступала с докладом в Лос-Анджелесе перед тысячей человек, да еще на другом языке. По сравнению с этим сегодняшний праздник – просто ничто.

– А если я не могу?

– Конечно же можешь.

– Но если я не могу?

Он нахмурился.

– Марго…

Я закрыла глаза и судорожно вздохнула. У меня было ощущение, что воздух растворяется, едва достигнув груди, и легким все время нужно больше.

– Филиппо… – Я была на грани того, чтобы разрыдаться. – Я задыхаюсь.

– Не задыхаешься. Это все пустяки.

– Это слишком для меня.

– Тогда мы должны были подумать об этом раньше. Сейчас уже поздно. Мы просто сделаем это, и все.

– Их сотни. – Я закрыла глаза.

– И в чем проблема?

Сотни. Тысячи. Глаза, которые смотрят. Ползают. Они были как слизни, оставляющие на коже блестящий липкий след из предрассудков, критики и осуждения. Тошнота в желудке. Неприятное покалывание в шее. Будто миллионы крошечных лапок бегают по телу. Насекомых лапок…

Я сходила с ума. Я вдохнула. Сжала виски и свернулась клубочком.

– Филиппо, – услышала я голос Канделы, – возможно, тебе стоит подумать о том, чтобы немного все это отложить…

– Что?!

В его голосе прозвучал металл. Он. Колосс. Темная скрытая часть большого мужчины.

– Очевидно, что это приступ панической атаки и… Знаешь, я ее понимаю. В часовне толпится больше пятисот человек, они забили все окрестности… – Мы знали об этом заранее, – перебил он.

– Паника не поддается контролю. Если бы разум мог вмешаться, это не была бы паника.

– Марго. – Филиппо снова повернулся ко мне. – Дыши глубоко. Спокойно. Я с тобой, хорошо?

Я не пошевелилась, несмотря на то, что чувствовала рядом его теплое дыхание. Представь, что ты ужасно себя чувствуешь, а кто-то говорит: «Да ладно, с тобой все в порядке». Ну спасибо большое, что бы я без тебя делала.

– Не могу, – простонала я.

– Тебе придется смочь, amore.

Я подняла голову в поисках воздуха. Если сидеть, уткнувшись головой в подол, то воздух закончится.

– Там около двухсот человек из посольства и из… как это сказать… из итальянского правительства. Есть… люди, занимающие государственные должности. Важные люди, которые меня уважают. Я не могу позволить, чтобы…

– Филиппо, так ты ничем не поможешь, – вступилась за меня Кандела.

– Да, я понимаю. Но это жизнь. Жизнь – она такова. Нам повезло встретиться в мире, в котором еще миллионы людей, а это – глупости, которые ничего не стоят.

– Может быть, оставим ее на минутку одну? – предложила Патрисия, которая с очень серьезным видом стояла, опершись о шкаф и скрестив руки на груди. – Дадим ей несколько минут, перестанем тут галдеть, и пусть она побудет одна, увидит свет, подышит.

Филиппо нежно взял мое лицо в свои большие руки и заставил посмотреть на него.

– *Dolcezza,* я хочу, чтобы ты взглянула мне в глаза. Это я. Я любовь твоей жизни. Тебе всего лишь надо выйти и сделать то же, что и на репетиции. Сказать да, да, да и подписать документ. Ты же будешь спиной ко всем этим людям, ты будешь видеть только меня.

Пятьсот человек будут дышать мне в затылок. Отвратительно. Я вздрогнула.

– Это ничего не стоит. – Он начинал нервничать. – Ерунда, Марго.

– Там много людей.

– Это всего лишь люди. Ничего не понимаю. Я не понимаю, почему ты сейчас…

– Там много людей, – повторила я.

– Не поступай со мной так, Марго! – твердо сказал он. – Это будет большой позор для моей семьи.

– Ладно, ладно, давайте успокоимся. – Патрисия взяла Филиппо за локоть и потянула к выходу. – Давайте все выйдем. Дадим невесте минутку глубоко подышать. И если на полчаса надо отложить церемонию, значит, отложим. Ничего страшного, бывало и похуже.

– Спасибо за народную мудрость, – съязвила Кандела, подталкивая маму к выходу.

– Она всегда пригодится, – улыбнулась Патрисия. – Марго, детка, мы оставим тебя одну. Когда будешь готова, позови нас. Мы подождем тут в коридоре. Спокойно, не спеши. Сядь, расслабься, покури…

– Она не курит, – перебила Кандела.

– Может, как раз сейчас начнет. Давай, дорогая. Дыши глубоко и не думай ни о ком. Все, кто в часовне, тоже могут обделаться. Помни об этом. Давайте, давайте, все на выход.

Филиппо, стоя передо мной, глубоко вдохнул:

– Я жду тебя снаружи, Марго.

Дверь закрылась, и в комнате воцарилась относительная

тишина. Через открытое окно доносилось далекое эхо разговоров – невнятный гул, похожий на шелест набегающих волн. Пели птицы. Листья деревьев шевелились под легким июньским ветерком. Шаги моих сестер, мамы и жениха удалялись и затихали, смягчаясь ковром, и когда я не услышала ничего, кроме дыхания старого парадора, я почувствовала, что могу дышать.

Не знаю, сколько минут прошло, прежде чем я поднялась с дивана. Знаю только, что вдруг все стало казаться другим. Знаете, как когда возвращаешься в школу после лета, переходишь в другой класс в новом учебном году, и хотя комната точно такая же, все кажется совсем иным. Я посмотрела на комнату будто в первый раз. Массивная мебель в кастильском стиле. Пыльный ковер, якобы персидский. Обтрепанные по краям занавески. Ложная, покрытая пылью роскошь. Эта комната была как я. Фальшивка.

Ну и ну. Я ведь ничем не лучше этой старой бархатной портьеры, изъеденной молью и покрытой многолетней пылью.

Сложно объяснить, к каким механизмам прибегает мозг, чтобы принять реальность каких-то страхов. Сложно заставить понять человека, который этого не испытал, как трясется тело, когда ты понимаешь, что сколь многого ты ни достигла, ты никогда не будешь… подставьте нужное слово. У каждого свое. В моем случае это «притягательная», «достаточная» или «особенная». Синдром самозванки. Моя ска-

зочная жизнь… На самом деле ее заслуживал другой человек.

Сердце бешено колотилось, перед глазами вспышками проносились образы, а в ушах стоял непрерывный гул. Паника на полной скорости неслась по моим венам. Я бы солгала, если бы попыталась выразить мысли, которые проносились у меня в голове, потому что по правде говоря, не могу объяснить, откуда вдруг взялись этот страх и ярая необходимость убежать.

Биение сердца заглушило все вокруг. Я слышала скрежет своих зубов. Я задыхалась. Комната. Каменные стены. Открытая дорожная сумка на безупречно застеленной кровати. Включенный свет в ванной. Ковер. Тень ужасной лампы, подделки под старинную, на противоположной стене, окрашенной в бежевый цвет. Все. Все вращалось, как на ярмарочной карусели. А в центре – я. Я. Я. Я. Я.

Свет погас.

Знаешь, какой звук издает высоковольтная линия при внезапном отключении электричества? Нет. Я тоже не знаю, но думаю, что внезапная тишина из-за исчезновения звука, который ты даже не подозревал, что слышал. Вдруг все стихло. Да, я знаю. Что это за идиотское объяснение? Не знаю. Но все стихло. Все.

Хотя я – это была не я.

Та, которая надела кроссовки к подвенечному платью. Это была не я.

Та, что открыла настежь окно и выпргынула наружу. Тоже нет. Это была не я.

Та, что бегом бежала по газону. Ни в коем разе. Это была не я.

Та, которую все из дверей часовни видели убегающей в неизвестном направлении… Нет-нет. Это была не я.

Та, которую преследовали Кандела, Патрисия, хохочущие вовсю племянники, Лорд Шампиньон, Филиппо и пара гостей. Что вы говорите? Это была не я.

Это была и я, и нет. Но… кто же тогда заварил эту кашу?

7
Депрессия

Доминик жила в Испании двадцать из своих двадцати двух лет, но все еще находились те, кто считал ее иностранкой. На самом деле она была гражданкой мира. Мало кто умен, как она, а уж таких красивых и вовсе нет. Когда Иван познакомил меня с ней, я прямо обалдел – как, должно быть, обалдел он в тот вечер, когда они познакомились в метро и она ему улыбнулась. Они сразу влюбились, как в тех историях, что случались со всеми, кроме меня. Оба они были хорошими, искренними людьми, которые искали того, с кем можно разделить что-то прекрасное. Вот в чем была моя ошибка. Я всегда влюблялся в тех, кто извлекал из меня самое худшее, и это заставляло меня чувствовать себя неуверенно, незрело, делало все не просто сложным, а невозможным. Я влюблялся в антигероинь, потому что соответствовать суперженщине мне было лень. Мне ведь даже в комиксах, которые я читал подростком, всегда нравились злодейки.

Какой бред. В голове был сплошной бред с тех пор, как Идойя меня оставила. Я раз за разом прокручивал все это в мыслях: то жалел себя, то клялся, что больше ни одна девка не заставит меня пережить то же, что я чувствовал к ней. В этот момент, глядя на прелестную жену моего лучшего дру-

га, укладывавшую ребенка спать, я был уверен как никогда – я крупно облажался в этой жизни.

– И когда только я начал так косячить? – громко спросил я.

– Надо же, диван заговорил. Смотри, любовь моя, вот живой мертвец. – Она приподняла дочку Аду, чтобы она меня видела. Девочка расплылась в улыбке, хотя ее личико было все еще припухшее от плача после дневного сна.

– Серьезно, Доми. Когда моя жизнь превратилась в чертово дерьмо? – Подавленный, я взъерошил волосы.

Она села рядом со мной, держа ребенка на коленях, и улыбнулась.

– О боже, нет, – простонал я. – Так не пойдет. Не надо так прелестно улыбаться перед тем, как начнешь ругаться.

– О чем ты говоришь? – засмеялась она, очевидно, принимая меня за сумасшедшего.

– Твой муж делает то же самое. Вы такие красивые и хорошие и сначала улыбаетесь, одурманивая человека, а потом – выпад шпагой. Давай, вперед.

– Давид… ты уже неделю лежишь на диване.

– Неправда. Я ходил на работу.

– В этой же футболке.

– Я мылся.

– Что-то незаметно.

Я откинулся назад и всхлипнул.

– Идойя безумно тебе нравилась, я знаю, – мягко сказала

она.

– Я любил ее.

– Ладно, Идойя очень сильно тебе нравилась.

Я с досадой щелкнул языком. Я не собирался убеждать ее, что наши отношения были настоящей любовью.

– Я знаю, ты думаешь, что любил ее, но любовь, мой мальчик, – совсем другое, – уверяла Доминик.

– Разве это не значит чувствовать себя живым, когда сердце бешено колотится, а эмоции бьют через край?..

Она дотронулась до моей руки, останавливая эту тираду.

– Любовь – это не ждать в тоске ответа на сообщение и не измерять свою ценность тем, сколько внимания она уделила тебе сегодня, при том, что ты прекрасно знаешь: завтра ветер дунет в другую сторону и она передумает.

– Это то самое чувство…

– Нет. Нет. Это любовь в извращенном понимании. Если она заставляет тебя страдать, это не любовь. Любовь прекрасна и радостна. В высшей степени, правда. – Она лучезарно улыбнулась своей красивой, искренней и открытой улыбкой. – Ты чувствуешь себя настолько комфортно и настолько собой с другим человеком, что можешь сделать что угодно. Чувствуешь себя способным на что угодно. И вы хохочете во все горло, даже когда ссоритесь или готовите, и даже в постели. Давид, ну правда… любовь гораздо легче, чем то, что ты чувствовал. Она окрыляет тебя, а не прибивает тебя к дивану, в обнимку с… Что это? – Она указала на тряпку,

которую я сжимал в руках, пока валялся на диване.

– Ее футболка.

Доми взяла ее двумя пальцами, как пробирку со смертельным вирусом, и подержала на весу.

– Во-первых, более безвкусной вещи вообще представить невозможно. Во-вторых, воняет до смерти. В-третьих, ты просто смешон.

Она оставила Аду у меня на коленях, отнесла футболку в мусорное ведро и безжалостно выбросила. Как только она отвернется, я ее заберу. Постираю и оставлю навсегда.

– Твоя мама – злая зараза, – прошептал я девочке.

– Я не зараза. Сделай мне одолжение.

– Все что ты скажешь. Я живу на вашем диване, – пробубнил я. – Потому что я – посредственность и бездарность без стремлений и запросов, и бла-бла-бла.

– Давид, мы едва сводим концы с концами, а ты покупаешь еду, помогаешь дома, сидишь с Адой. Нам всем хорошо.

– Ну да, ладно.

Очень серьезная, она пощелкала пальцами перед моим лицом, пока ее дочка облизывала мой подбородок.

– Прими душ. Как следует. Можешь даже включить «All by myself», пока плачешь и жалеешь, что любовь всей жизни тебя покинула. Но оставь все эти глупости, выходя за порог. Да, я знаю, сегодня пятница и ты работаешь, но еще я знаю, что ты – бармен, ты молод, хорош собой и свободен. Если ты сегодня не придешь ночевать домой, мы не станем вызывать

полицию.

– Мне надо искать квартиру, – пробормотал я, чувствуя себя ничтожеством.

– Иди уже в душ и переспи с кем-то для развлечения, черт тебя дери! – Доминик забрала у меня ребенка и подтолкнула к маленькой ванной, которой мы все пользовались.

Я потащился туда и услышал, как она бормочет, что я еще буду благодарен ей, когда приду в себя. Мне захотелось сказать ей какую-нибудь гадость. Я был зол и имел полное праве чувствовать себя куском дерьма, быть эдаким коконом из тоски и раздражения.

Собирался ли я идти на работу в таком виде? С понедельника по четверг я чередовал работу помощника флориста с работой выгульщика собак, так что думаю, ни цветы на складе, ни свора псов не стали бы жаловаться на мою неопрятность. Но Доми была права – сегодня пятница, надо возвращаться в бар, и там, воняя как свинья и с грязной головой, я мог нарваться на проблемы.

У меня не оставалось другого выхода. Мне нужны были деньги.

Паб был забит до отказа. Это одно из немногих явлений, которые я не понимаю в Мадриде. На улице стояла потрясающая ночь, так какого черта всех этих людей потянуло набиваться в душный притон, где тебя без конца пихают локтями? И где к тому же царила жуткая жара, потому что сто

двадцать душ в одном помещении – танцующих, пьяных и в девяноста процентах случаев изголодавшихся по плотским утехам – выделяли тепло, очень много тепла. Полагаю, ответ на этот вопрос: в Мадриде всегда много людей. Везде. На террасах, верандах; на улочках, которые змеятся в Малаганье, Лавапьес и Ла Латине; в барах «для старичков», стены которых были заклеены уже выцветшими за десятилетия фотографиями блюд и где все еще чувствовался запах табака; на крышах отелей, где открывались ночные клубы, и в якобы подпольных барах. Это столица – жизнь повсюду, даже когда тебе хочется побыть одному.

В каком-то смысле речь Доминик заставила меня задуматься. Я не отдавал себе в этом отчета, но у меня не выходило из головы то понятие о любви, о котором она мне говорила. Оно постоянно крутилось у меня в голове, как облако дыма, которому я не мог придать форму.

Поначалу я совершил ошибку, которая банальнее, чем нацепить берет на французского персонажа в кино: искать кого-то, с кем можно забыться. Да-да, я знаю. Ужасно пошло, но все мы так делаем. Мы люди, и кроме того, все мы выросли, слушая про клин, который вышибают клином, поэтому сначала моей целью стало переспать ради удовольствия с девушкой, которая, возможно, находилась в такой же ситуации. Я обозревал горизонт в поисках незнакомки (желательно блондинки с короткими волосами, холодным взглядом и суровыми губами), с которой мог бы что-то планировать по-

сле закрытия, но… никого не нашел. Нет, все наоборот, то есть: я увидел тьму людей, но Идойи там не было.

Я видел парочки, страстно целующиеся по углам, и обнаружил, что спрашиваю себя: они радостно любят друг друга? Чертов идиот, но ведь понятно, что большинство из них познакомились тем же вечером, чего я тут вздумал о любви? Каждый по-своему сходит с ума.

Мне казалось это страшной глупостью, и эта глупость неотступно меня преследовала. Наслаждаться, развлекаться любовью? Ну, может быть, вначале. Но как и во всем, наслаждался больше тот, кто командовал парадом, и – будем откровенны – любовь всегда была борьбой за власть.

– О чем ты думаешь? – спросил Иван, пока загружал в холодильник прохладительные напитки, а я наполнял стаканы кубиками льда.

«Об Идойе. О том, что хочу написать ей. О том, что я был бы счастлив, если бы она появилась в дверях. О том, что никто с ней не сравнится. О том, что я хочу поцеловать ее еще раз и слушать наши песни, пока вывожу сердечки на ее спине, а еще о том, что сейчас я хочу напиться и умереть».

– О том, что ненавижу эту работу. – Я сумасшедше улыбнулся ему.

Несмотря на оглушительную громкость музыки, гостьи, которых я обслуживал, меня услышали и расхохотались. Я изобразил вежливую гримасу и сказал, перекрикивая песню:

– Ничего личного, девушки. Вы знаете, что бармены еще

и туалеты моют?

– О нет! – с ужасом воскликнули все трое.

– Не обращайте на него внимания, – рассмеялся Иван. – Нам такое от силы пару раз выпадало. Тут вообще-то есть уборщики.

Я сморщился, делая вид, что мой друг привирает, и взял бутылки с полки сзади.

– Не такое уж плохое место для работы. Можешь познакомиться с кучей людей, – сказала одна из девушек, брюнетка, с полными губами и огромными глазами.

«Я не хочу знакомиться с кучей людей. Я хочу забуриться в постель к Идойе и разбудить ее языком».

– Да, конечно. Неплохо.

– Откуда ты? У тебя не мадридский акцент, – полюбопытствовала она.

– Никто в Мадриде не из Мадрида. – Я улыбнулся половинкой рта и продолжал выставлять бутылки на место.

– Это не ответ на вопрос, – заметила она.

Я придвинул к ним бокалы и открыл бутылочки с прохладительными напитками.

– Джин-тоник Tanqueray, водка с апельсиновым соком и ром Barceló с кока-колой. Всего тридцать три евро, сеньориты.

Та, что угощала подруг, поднесла карту и одним прикосновением подтвердила платеж.

– До свидания, господин бармен, который хочет сохра-

нить тайну и остаться прекрасным незнакомцем, – попрощалась брюнетка.

– Я уверен, это не последний твой бокал. Еще увидимся.

Я улыбнулся, но как только они растворились в толпе, улыбка испарилась. Вот та часть, которая меньше всего мне нравилась в работе бармена: всегда нужно производить впечатление, что у тебя нет никаких проблем.

– Ну, хоть пофлиртовал. – Иван двинул меня локтем.

– Ты еще здесь? – посмеялся я.

– Наслаждайся, Давид. Ты холост, – подмигнул он мне.

– Это, похоже, моя судьба. – Я выдал самую фальшивую улыбку из своего репертуара.

– Тебе лучше?

– Да, – соврал я.

Он похлопал меня по спине и направился к группе парней, который махали нам вовсю в ожидании еще алкоголя.

«Наслаждайся, ты холост».

Выкрик с просьбой подать два раунда шотов «Егермейстера». «У вас есть шоколадная текила?» из уст девчушек, которым, казалось, еще рановато было ходить по клубам. Три подмигивания. Один вопрос: «В котором часу ты заканчиваешь?» Два раза «Ну и цены у вас, грабеж» и один телефон, записанный на салфетке.

Незрелый. Ветер в голове. Старомодный романтик. Без планов на будущее. Недальновидный. Вечная потребность в

самоутверждении. Эмоциональная зависимость. Оправдывать «свободой» свою посредственность. Смирение с тем, что я не добьюсь ничего лучше трех подработок. Мой внешний вид. Жизнь на «съемной квартире» (точнее, оккупация дивана) лучшего друга, его девушки и их семимесячного ребенка. Не иметь ни гроша, чтобы что-то планировать или путешествовать. Отрыжка после первого глотка пива.

К черту. Может, она по-любому бы и не обернулась, когда я ждал как дебил, что она посмотрит на меня, но я был уверен, что это не конец. Неужели я собирался позволить ей уйти, поверив, что я – вот это все? Как я мог это позволить? У меня было чертово сердце, полное чувств и дикого желания, которыми я хотел поделиться с ней. Я хотел жениться на ней, завести детей, собаку, овечку, пятнадцать котов. Да что угодно! Нет. Я был уверен, что наши отношения еще можно спасти.

Я не хотел спать ни с кем для развлечения, у меня уже был кто-то, кто снимет боль. Я уже знал, на ком я хотел сосредоточить свое внимание. Мне было более чем ясно, кто заслуживал моих усилий.

Я не собирался тонуть. Конечно же нет. Этот разрыв не демотивирует меня. Наоборот. Он послужит чему-то. Сделает меня лучше. Сделает меня мужчиной.

Если ты думаешь, будто в тот момент я уверился, будто я сам и есть тот человек, который должен излечить мою

боль, на ком стоит сосредоточить внимание и кто заслуживает всех усилий… Ты считаешь меня умнее, чем я есть. Но нет. На самом деле, хоть я и почувствовал, как мой спасательный жилет внезапно надулся и вытолкнул меня на поверхность, я одновременно набивал карманы камнями, прямо как Вирджиния Вулф. Потому что в тот самый момент мозг решил, что… надо вернуть бывшую.

И думаю, что именно это решение привело меня к ней… И сейчас я не об Идойе.

8
Последствия

На крики матери и ее последующий обморок в духе викторианской дамы (в результате которого она растянулась лицом вниз прямо на золоченой банкетке в гостиной, и, надо признать, это выглядело даже забавно) мне было глубоко плевать. А моему нервному тику нет. Он почувствовал себя серьезно задетым, и веко принялось танцевать ламбаду.

Гробовое молчание сестер беспокоило меня, более того – пугало. Я боялась, что они осудят меня так же, как судили – я это знала – все остальные, а еще того, что когда все это немного успокится и страсти утихнут, Кандела откроет рот и произнесет запрещенные слова: «Я тебе говорила». Мне не было стыдно, что я не послушала ее совета. Нет, я была абсолютно уверена, что она неправа, и вот как вышло… Я осталась без аргументов, крыть было нечем.

И все же из всего списка проблем, которые я навлекла своим спринтом по полю, единственное, что меня по-настоящему волновало – это то, что находилось прямо передо мной в эту самую секунду. Филиппо.

Он сидел, положив руки на колени и свесив голову. Мне хотелось, чтобы он посмотрел на меня, но я была не в той ситуации, чтобы обращаться с просьбами. Я сбежала с нашей

свадьбы и бросила его на растерзание пяти сотням приглашенных. Я ускользнула из его объятий, промчалась по газону и пролезла в отверстие забора. О состоянии свадебного платья после этого лучше не упоминать.

– Скажи что-нибудь, – через силу попросила я.

С тех пор, как он вошел в дом моей матери, где меня держали под замком «для моего же блага» после того, как отловили на заправке в полутора километрах от места празднования (лучше сказать, *предполагаемого* празднования), Филиппо не открыл рта. Все, что он сделал, – это сел напротив меня на ту самую банкетку, на которую приземлилась мать после своего обморока, и замер.

Услышав мой голос, он поднял голову и в течение минимум двух минут, показавшихся мне вечностью, молчал.

– Пожалуйста, – умоляла я.

Он приподнял подбородок и посмотрел на меня. В этот момент я пожалела о своей просьбе. То, что я увидела в его глазах, мне совершенно не понравилось. Я его не узнавала и узнавать не хотела. Ну что ж, у каждого поступка есть последствия. Это один из первых уроков, которые получаешь в детстве, и предполагается, что жизнь становится проще, когда ты это усвоишь, – если тебе хватит ума сначала думать, а потом делать. Но это явно не про меня.

– Ты ушла. С нашей свадьбы. Сбежала.

Паузы между словами весили тонну, как будто он вытаскивал каждое закованное в кандалы слово со дна глубочай-

шего колодца своего разочарования. В этот раз уже мне пришлось опускать голову. Я сглотнула.

– Без объяснений, не поговорив, ничего не сказав, – продолжал он.

– Нет, я поговорила с тобой.

– Ты сказала, что там слишком много народу и ты не можешь. Что не можешь? Это все равно что ничего не сказать.

– Мной овладела… не знаю. Паника.

– Из-за свадьбы со мной?

– Нет! – Я подняла глаза. – Конечно нет. Я хочу выйти за тебя замуж.

– Хотела. Не говори в настоящем времени.

– Я *хочу* выйти за тебя замуж, Филиппо.

– Не оскорбляй мой разум. Не причиняй мне еще больше боли, Маргарита.

– Я не пытаюсь причинить тебе боль и… не… не… не называй меня Маргаритой. Для тебя я Марго. Только Марго.

– Для меня ты женщина, которая сбежала с нашей свадьбы. Ты женщина, которую я любил и которая разбила мне сердце, Маргарита. Позволь, я буду называть тебя так, как мне хочется.

Я засопела и посмотрела в потолок. Заколки впились в кожу головы.

– Я не понимаю, что со мной произошло. Думаю, мне нужна помощь, – сказала я.

– И серьезная. Ты заставила меня поверить, что наши от-

ношения были настоящими.

– Хватит уже, Филиппо, – враждебно сказала я. – Я все прекрасно понимаю. Ты считаешь, будто я все это время тебя обманывала, потому что я худший человек в мире, но ты неправ.

– А что тогда?

– Я не знаю, ни что я сделала, ни почему, ни как. Я даже не знаю, как я добралась до той заправки, черт подери!

Я закрыла глаза руками. Я всю жизнь старалась избежать любого упоминания в обществе, а теперь, так сказать, зашла с парадного входа под фанфары СМИ: «Наследница империи Ортега сбежала со своей свадьбы. Ее нашли на заправке Galp, попивающей кока-колу». Мне будет стоить больших денег остановить эту новость в прессе.

Кстати говоря… а чем я вообще собиралась платить за газировку?

– Во что ты пытаешься заставить меня поверить? Что у тебя проблемы с психикой? Я живу с тобой, Марго. – Какое облегчение, он назвал мое настоящее имя. – Я знаю, что у тебя их нет. Ты абсолютно вменяема.

– В последнее время я чувствую себя очень странно, Филиппо. Очень, очень странно. Я плохо сплю, я рассеянна, тревожусь. Иногда кладу носки в холодильник и выбрасываю йогурт в корзину для грязного белья.

– Да ладно! Ради бога!

Филиппо встал и начал прохаживаться по комнате. Он

снял костюм (и на мне тоже уже не было великолепного, но уничтоженного белого платья). Его ноги, обтянутые темными джинсами, мерили уставленное безделушками пространство. Минимализм и моя мама несовместимы.

– Ты не сумасшедшая, Марго.

– Ну если я бегом сбежала со свадьбы с мужчиной, которого люблю, ты можешь предложить другое объяснение?

– Да. – Он повернулся и посмотрел на меня. – Что ты не любишь меня так, как говоришь. Или не любишь так, как сама думаешь.

– Филиппо, пожалуйста.

– Марго, ты бросила меня у алтаря. Ты. Бросила. Меня. У. Алтаря.

– Черт. – Я свернулась клубком на кресле Лорда Шампиньона.

– Нет. Не сбегай и от этого тоже. Ты бросила меня у алтаря перед моей семьей: мамой, папой, сестрой, *нонной*… Моей *нонне* сто лет, Марго.

– Не заставляй меня чувствовать себя еще хуже.

– Кроме нонны, – продолжал он, – там был мой непосредственный начальник из посольства. И начальник моего начальника. Среди приглашенных было человек восемь моих коллег. Министр и… был еще мой дядя-епископ.

– Очень хорошо, я нарвалась на неприятности с итальянским государством, с итальянским посольством и с Ватиканом. Еще что-нибудь?

Я видела, как он оперся локтями на каминную полку и скрестил ноги, а потом запустил пальцы в свои густые волосы. Глаза холодные. Ледяные.

– Что я сделал не так? – спросил он, не глядя на меня. – Я всегда обращался с тобой как с равной. Я уважал твои карьерные амбиции, твои убеждения, твое время.

– Филиппо, так и происходит в нормальной паре.

Он бросил на меня яростный взгляд.

– Я любил тебя больше, чем возможно!

Боже. Только не надо устраивать тут оперу, пожалуйста. Я зажала пальцами переносицу и приготовилась терпеть следующий выпад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.